

Красная нить судьбы

Автор:

Наталья Буланова

Красная нить судьбы

Наталья Буланова

Попала в другой мир? Открыла в себе запретный дар перевязывать нити судьбы? Тогда берегись Дикого патруля! Вот только что делать, если судьба пошутила и связала нас с их главарем той самой нитью? И как это возможно, если я ему даже не нравлюсь? Теперь моя цель – разрезать эту нить судьбы между нами. Но готова ли я ради этого провести ночь с самым злейшим врагом?

Наталья Буланова

Красная нить судьбы

Пролог

– Дикий патруль! Остановить свадебную церемонию!

Волчий вой взял нас в кольцо. Серые хвосты замелькали меж празднично одетых людей, щекоча не только ноги, но и нервы.

Я прижала руки к себе, а в верхнюю часть моей левой груди словно шмель укусил – кожу мгновенно запекло огнем, она припухла. Снова! Похоже, метка опять проявила себя.

Я засуетилась на месте, следя за каждым движением животных, пытаюсь понять, где их главный. В животе стало пусто, а в груди – трепетно.

Адель, только не смотри на жениха! Только не выдай себя!

Но обмануть другого не так сложно, как себя. Я одновременно боялась и хотела увидеть его – Верса, начальника Дикого патруля.

А ведь буквально пять минут назад ничего не предвещало срыва церемонии...

Венчальная арка расцвела алым на рассвете. Красная нить судьбы довольно пускала искры от моего запястья до руки Саймона, моего жениха, чем вызывала жгучее желание порвать ее прямо здесь, при приглашенных. И пусть нашу связь видели единицы, зрелище и для обычного зрителя было бы шокирующим. Ведь уже тридцать лет как никто не смеет трогать алое благословение богов. Никто, кроме меня.

Приглашенные на церемонию пары взорвались аплодисментами и ослепили искрящимися улыбками, приветствуя меня, свою сводницу, что перевязала не один десяток нитей. Люди широко и открыто улыбались, не замечая, как прокусанные до крови губы раскрашивали белоснежную фату алыми лепестками, когда ветер прижимал ткань к моему лицу.

Сегодня в роли невесты были не мои клиенты, а я. Самой не верится.

Я резко вздохнула и быстро заморгала, бегло посмотрев на жениха. Хоть бы все прошло так, как я задумала! Замужество в этот день никак не входило в мои планы. Прости, Саймон!

– Начинаем? – шепотом спросил церемониймейстер у жениха, подавшись вперед.

Я стояла боком к Саймону, поэтому дергано повернула голову, чтобы не только услышать, но и увидеть его реакцию.

– Дальше тянуть некуда? – непонятный тон вопроса жениха скребанул невидимыми граблями по моему позвоночнику, заставляя выпрямиться. Саймон сжал губы в легкой гримасе и отвел от меня взгляд.

Знаю, еще несколько минут – и цветы на арке выстрелят магической пылью, скрепляя узы нашего брака, после чего бутоны вновь закроются. Тогда пути назад не будет и все старания пойдут прахом.

Неужели я ошиблась? Неужели просчиталась?

Какая все-таки я наивная!

Я видела, что всеобщее внимание для Саймона равносильно острому клинку, приставленному к горлу. Моя победа сегодня – его поражение, и наоборот. Мы оба не хотели показывать, насколько взвинчены, и оба желали планам друг друга пробить земное ядро.

– Начинаем! – Жених вторгся в мое личное пространство и крепко схватил за руку.

– Рано! Мне нужна еще минута. – Я попыталась вырвать руку, но встретила внимательный взгляд карих глаз, полный решительной надежды.

Черт! Я знала, что рискую, но считала, что Саймон не попрек напролом. Сейчас же в его глазах я читала внутренний призыв к успеху. К его личной победе – свадьбе со мной.

Саймон вдыхал через прямой нос с высокой переносицей и выдыхал через идеально очерченный рот. Вдоль четкой линии челюсти было видно напряжение мышц. Он смело мог претендовать на звание эталона мужской красоты и давно был бы окольцован ловкой кокеткой, если не был бы так горяч в прямом смысле слова. К нему невозможно было прикоснуться: тело мужчины было подобно открытому огню. Одну меня не трогал его жар.

Я видела нахмуренный лоб жениха через фату и понимала, что он не только не отведет взгляда, но и не отступит. Похоже, я сама себя загнала в ловушку. Зря я согласилась на эту авантюру! Зря! Бежала от одного зверя, попала в лапы другого!

С подачи церемониймейстера капли потекли на водяную лилию, зазвучала мелодия любви. Считалось, что нет звуков прекрасней, но сегодня они были не

приятней скрежета каблуков по плитке.

– Саймон Гросский, согласен ли ты взять в жены Аделию... – чопорно начал мужчина в алом балахоне, гордо подняв голову вверх, преисполненный ощущением высокой миссии.

И тут протяжный вой нокаутировал свадебную речь...

Метка на груди жгла так, что хотелось схватиться за больное место, но я боялась показать, насколько глубоко попала. Я быстро пробегалась взглядом по толпе, чувствуя макушкой тяжелые выдохи Саймона. Он стоял за моей спиной, а на своих плечах я будто ощущала невидимые, но такие давящие на меня руки.

Неожиданно за запястье меня дернуло в сторону, и я импульсивно сделала два шага в сторону от жениха, широко открыв глаза.

Порыв воздуха закрутился вокруг меня, поднимая платье от пола на несколько сантиметров и закручивая ткань вокруг коленей. А потом появился он – Верс. Соткался словно из воздуха между мной и Саймоном. На крепко сжатом кулаке намотана нить, та самая, судьбоносная, красная, и сейчас она искрит алым, как пламя.

Главарь Дикого патруля толкнул языком щеку на выдохе и обдал холодом взгляда. Хорошо развитые мышцы предплечья подергивались и напрягались, пока он отходил назад, натягивая нить между нами тремя.

Смотрел Верс на нас с Саймоном по-особенному, по-звериному. Его ноздри широко раздувались, а сам он дышал глубоко, рвано, шумно. Казалось, что если он сейчас заговорит, то непременно скажет грубость.

Верс остановился и широко расставил ноги, наклонился мощным торсом вперед, и на мускулистой шее проступили вены. Он издал рык и резко рванул нить на себя.

Раздался треск.

Глава 1

Три месяца назад

– Это божественно!

– Какой голос!

– Где же вы были все это время? Да повернитесь уже к комиссии лицом, девушка!

Папа всегда говорил, что улыбка невероятно озаряет мое лицо, а мама напоминала, что нет ничего важнее состояния души. Поэтому я повернулась к жюри, светясь искренней радостью человека, который занимается любимым делом, и увидела сползающий с лиц восторг, отступила на шаг.

Ничего нового!

Поведение комиссии резко поменялось: кто-то отводил глаза, кто-то сразу резко закопался в бумагах, а кто-то прочистил горло так, будто ему в рот воробышек залетел.

Я знала, что будет дальше, застыла, но с упорством барана надеялась на чудо.

Который раз я пробуюсь на главную роль в мюзикле? Не счесть! Пела, стоя спиной к жюри, чтобы использовать свой шанс на все сто. Вдруг здесь будет не так? Вдруг, наконец, закроют глаза на внешность и дадут роль соизмеримо таланту, а не лицу?

А держала микрофон в руках, как щит.

– Дорогуша, ну вы должны критически оценивать свои шансы. Все-таки вы артистка, а лицо – это ваша визитная карточка. Тут даже грим не поможет, – режиссер-постановщик был безжалостен. Он выбирал свою музу, было обрадовался, что нашел, а тут я его предала своим лицом – форменное

безобразии. Даже губы дул, а брови у него пошли морской волной.

Я посмотрела на него искоса, из-под опущенных бровей.

Мне отказывали не первый раз, но чтобы так грубо – даже не вспомнить. Я сжала микрофон и на миг прикрыла глаза, зная, что справлюсь с этим неприятным и жутко липким чувством.

Но женщина из жюри решила добавить вязкости отказу:

– Дам вам совет: сделайте пластическую операцию, и вы засияете так ярко, что мы все ослепнем. Неужели не хотите этого?

Я заозиралась по сторонам. Неужели все думают так же? Никто ничего другого не скажет?

Совет хорош, когда его просят, а так от него только зуд по коже, будто от букашек, – хочется сбросить побыстрее.

– У меня аллергия на большинство лекарств. Придется мне остаться такой, как придумала природа. – Мои губы улыбались, но не глаза. Мне казалось, что моя фальшивая бравада видна всем.

На самом деле я никогда не думала, легла бы я под нож, если бы могла. Просто для меня этот путь был закрыт, и я предпочитала не думать о том, что не могу изменить. Вместо этого я тренировала голос, но максимум, что мне давали, – это роли второго плана. И то всегда такая возможность оборачивалась трагедией, потому что ведущие актрисы на дух не переносили голосистую конкурентку и любыми грязными способами пытались вывести меня из игры.

Мой молодой человек однажды сказал, что все дело в том, что, когда я начинаю петь, зритель забывает обо всех, кроме меня, и эта фраза крепко засела у меня в голове. Профессиональная ревность – это страшно. Особенно актерская!

Скажете, что я многого хочу? Что не довольствуюсь тем, что есть?

Может быть.

Но я не готова довольствоваться полумерами. Если бы моя проблема была в таланте, я бы сдалась, но ведь все дело в ограничении умов и вкусовщине. Моя мечта – чтобы меня принимали такой, какая я есть.

– Аделия, верно? – Манерный молодой мужчина посмотрел мою анкету, в задумчивости раскручивая ручку, будто стрелку колеса фортуны. – У вас голос уникального диапазона, впрочем, вы это знаете. И про внешность знаете – не зря встали к нам спиной. И ваш послужной список показывает ваше упорство, но давайте откровенно: мы не можем вас взять даже на роль лучшей подруги Леди, Шарлотты, не то что ведущей актрисы.

– Потому что героиня не выдержит конкуренции? – Мой подбородок сам по себе опустился к шее.

Не задавалась, не важничала, просто хотела узнать правду, а за откровенность получила взгляды жюри, полные удивления.

Не принято в столице быть искренней, особенно в творческой среде.

И вдруг режиссер стукнул по столу бумагами.

– Будешь подругой главной героини – Шарлоттой. В ней есть твоя дерзость. Стимулировать главную актрису тоже полезно.

– Спасибо, – мой голос загрубел.

Похоже, это моя вершина – роль второго плана. Но я была рада и этому, потому что верила, что смогу засветиться. Что зритель полюбит меня такой, какая я есть, потому что со сцены с ним говорит моя душа.

Несмотря на то, что мой желудок сжимался и напрягался, у меня была еще одна просьба к жюри. Я знала, что последняя на сегодняшнем кастинге, поэтому облизала губы и спросила:

– Простите, а можете послушать еще одного человека? Мужская роль...

Почему-то сам Миша никак не мог пробиться на кастинги, а вот за мной, паровозиком, как-то везло. Мой молодой человек назвал меня своей путеводной звездой, а я рада была помочь хоть чем-то.

В груди чуть потеплело от ощущения, что я делаю маленькое доброе дело любимому человеку. Ради него я попросила бы любого дать ему шанс, ведь случай и удача – это так много в нашем деле.

Члены жюри растерянно переглянулись, а потом режиссер-постановщик устало махнул рукой:

– Давай своего протеже. Посмотрим, что за бриллиант или булыжник ты прячешь за пазухой.

Я прижала к себе микрофон и уважительно поклонилась людям с несмелой улыбкой, часто-часто моргая.

Я это сделала? Не верится! У Миши будет шанс!

Этим же вечером мы звонко сталкивались бокалами, отмечая наше с Мишей попадание в мюзикл “Леди и Бродяга”. Нежно прижимаясь к теплому мужскому боку, в ту ночь я не знала, что моя доброта выйдет мне же боком.

– Bravo! Bravo! Bravo!

Я не могла скрыть улыбку: премьера прошла на ура. Зал рукоплескал, зрители повскакивали с мест, а режиссер-постановщик выглядел раскрасневшимся и довольным, вскинул руку в жесте победы – V.

Миша был так счастлив, что прямо на сцене упал на колени и поднял руки вверх.

Еще три часа назад я ног не чувствовала от усталости, а сейчас словно подключилась к источнику сил. Роль далась мне нелегко, но триумф ударил брандспойтом по былым неприятностям – их словно разом смыло.

– Ты сфальшивила во втором акте, – улыбалась сквозь зубы главная героиня, качая головой из стороны в сторону.

Такой противницы в роли главной актрисы у меня еще не было! А еще Леди, называется! Соль в сценическое платье и подсыпанное в кофе слабительное я уже встречала, а вот леску между двумя стульями на репетиции – впервые.

– Зато текст не перепутала. – Мои мысли слишком скакали сейчас для чего-то более на лопатки кладущего. Я благодарно поклонилась зрителям, посмотрела еще раз на зал, стараясь запечатлеть мгновения в памяти, и нырнула за кулисы.

Сфальшивила, говорит? Да она мне каблуком наступила на ногу и так и стояла несколько секунд, пока я вне сценария не положила руку ей на плечо и как следует не сжала.

– Шарлотта, ты красотка! – крикнул молодой мужчина из зала мне в спину, и я улыбнулась, опустив голову и схватившись за длинную юбку. В секунду, пока меня никто не видел за шторой, я крутнулась вокруг себя, приподнимая юбки, как озорная цыганка.

И тут же получила толчок в спину.

– Ой, прости! – закрыла рот от ужаса Леди.

Играет отвратительно, но голос хорош, да и сама куколка. Если бы не дрянной характер, возможно, я бы даже признала, что она прекрасна в главной роли, но ведь она даже удовольствие не умеет получать от процесса. Премьера удалась, а она все сосредоточена на сопернице. Вот репейник!

Я пропустила девушку вперед, сдавленно улыбаясь, чтобы держать ее в зоне видимости. Уже давно поняла, что ревнивая актриса способна на все: раскрученный болт софита, исчезновение одежды, да даже какую-то химию в воду, лишь бы выбить меня из роли. Но если бы я легко пугалась сложностей, то не пела бы в мюзиклах.

– Дамы, вы были неотразимы! – Миша протянул две руки – мне и Леди, и та первая положила свою куриную лапку в открытую ладонь.

Глаза моего мужчины блестели, как маслины. Мужчина посмотрел с улыбкой на меня, дождался, пока я тоже вложу руку, и поцеловал каждую ладонь: и мою, и соперницы.

- Не ссорьтесь, леди. Вы так прекрасны, когда улыбаетесь.

Ах эта его мальчишеская улыбка! Как вижу ее, так сразу злость улетучивается! Такой милый, всегда старается нас примирить, а эта Леди так и тает. Еще бы, у Михаила было какое-то невероятное обаяние. Он мне всегда говорил, что будет моим буфером от таких злодеек, и у него это неплохо получалось. Раздражение у дамочки пропало, настроение поднялось, и она ушла в гримерку, покачивая бедрами, где уже накрывали праздничный стол.

Миша крепко притиснул меня к себе и защекотал мое ухо комплиментами о том, как я хороша в этом платье. Он получил эпизодическую роль, но говорил, что этого достаточно. Голос у него был приятным, но режиссеры упорно ставили его на роли мальчиков на побегушках. Даже не знаю почему!

Празднование в гримерке было таким же стихийным, как и все мероприятия актеров: быстро началось и быстро закончилось. Ведь сезон открылся, завтра вечером мы снова выходим на сцену, поэтому должны быть в форме, чтобы собирать полные залы вновь и вновь.

Я села в машину, вытянув ноги дальше педалей, и откинулась на спинку сиденья. Миша наклонился к открытому окну водительской двери и обдал меня жарким взглядом. Откуда у него столько энергии? Моим единственным желанием сейчас было лечь спать, но до этого было еще далеко.

- Пока, мой бриллиантик! - подмигнул он мне. - Позвони, как доедешь до родителей.

- Хорошо. Ты тоже набери, как будешь дома. И рыбок покорми.

Рыбки - такие же яркие, как отношения с Мишей. Надеюсь, наши чувства так быстро не сдохнут, как некоторые хвостатые в аквариуме двух творческих личностей.

Миша поцеловал меня в губы, и в нос ударил смутно знакомый запах. Вот только чего? Впрочем, какая разница? Мало ли, новый грим...

Я нажала на педаль газа и видела в зеркало заднего вида, как Миша провожает меня взглядом. Душка!

С выходом на пенсию родители перебрались в частный домик в область. Они у меня оба технолога и настолько увлеклись фермерством, что постоянно подкидывали любимой дочке квест по нахождению и доставке очередного ноу-хау из столицы. Например, сегодня в багажнике лежал агрегат на колесиках, который сам удаляет сорняки. Чудо чудное!

К родителям я приезжала пару раз в месяц, но сегодня был особенный день: мне не терпелось поделиться с ними радостью успешной премьеры. Я сжала покрепче руль, включила погромче любимую станцию и представила с улыбкой, как обрадуются родители. Мама с папой всегда поддерживали меня, как никто другой. Переночую у них, а завтра поеду в город – готовиться к вечернему выступлению. У них в доме я всегда отдыхала не только телом, но и душой.

Я хотела подключить телефон к магнитоле, чтобы запустить любимый трек, протянула руку в сумочку и нащупала там пустоту. Пришлось тормозить на обочине, чтобы убедиться: я забыла телефон в гримерке.

Придется возвращаться, ведь в телефоне вся жизнь современного человека!

Когда я подъехала на ставшую родной парковку, театр уже скинул крошки зрительской любви и блестел свежeweымытым полом. Я прошла по краю зала, чтобы не следить. На цыпочках добралась до гримерки, напевая про себя партию Шарлотты, и...

– Миш, твоя леска позавчера не сработала. Софит вчера упал мимо. Я не пойму, ты действительно хочешь играть главную роль или нет? Помоги мне от нее избавиться, и я сделаю тебя сначала заменой Бродяги, а потом у тебя будет шанс выступить и показать свой талант режиссеру. Так он никогда тебя не заметит! – капризный голос главной актрисы невидимой стеной врезался мне в грудь.

Я вздрогнула, и картинка размылась. Перед глазами замелькали воспоминания подстав, добрая улыбка Миши, наши романтические прогулки.

Я провела рукой по волосам и сжала их в хвостик, а потом отпустила в растерянности.

Голос главной актрисы звучал нетерпеливо, но с еще большим нетерпением я ждала ответа Миши.

– У Адель сильнейшая аллергия на лекарства. Если добавишь... – начал этот паршивец, и я резко открыла дверь, боясь, что если не прерву его сейчас, то позорно убегу.

Я ввалилась в гримерку, а сама держалась за шатающуюся дверь и качалась на месте вместе с ней. Склонила голову набок, будто так я могла увидеть то, чего раньше не замечала в Мише – его змеиную суть. Он, словно анаконда, оплел меня, шипя о своей неадекватности, а сам заглотил целиком, усыпленную любовью, и приготовился переваривать. А теперь своим раздвоенным языком хочет дать оружие моему врагу!

В голове детской каруселью с издевательской мелодией крутились софиты, лески, отравы в кофе, соль в платьях.

И это мой Миша, которого я за собой, как локомотив, тащу на все кастинги? Это мой мужчина, с кем я делю еду, кров и постель?

Наконец я готова была опустить взгляд на виновников жара в глазах, боли в горле и спазма в груди. Но я все равно не была готова увидеть Леди, сидевшую на коленях у Мальчика на побегушках. Она изогнула спину, а улыбка была достойна коварства главной злодейки мюзикла. И сразу эти примирительные поцелуи Миши в ладошки мне и ей после премьеры стали выглядеть противно двусмысленными. Мне захотелось самой швырнуть в них софит, опутать леской, а потом спить тот отравленный кофе.

Миша задергался под Леди, да только на нем была змея куда хитрее удава – положила руку мужчине на плечо и плотнее к нему придвинулась. Повела плечами, показывая, что верх корсета распушен, а груди полуоголены.

Я бы сейчас все отдала, чтобы телепортироваться в тот же миг, остаться одной и зализать раны. В голове вертелись Мишины признания в любви, его прикосновения, и мне хотелось воскликнуть: «Когда это все началось? А тогда уже было? А вот тогда?»

Где тот момент, когда Миша играл на два фронта? Любит ли он ее? Любил ли в самом деле меня?

- О, страшила пришла! - Врагиня даже не думала вставать с колен мужчины.

Как долго это у них? Хорошо повеселились?

Съесть себя готова за то, что такая доверчивая лохушка! А я еще проталкивала Мишу везде, тянула за собой, верила в его талант! Наивная, использованная, преданная...

- Адель! - попытался вскочить Миша на ноги, но Леди крепко обвила длинную мужскую шею руками. Ту шею, на которой прошлой ночью я оставила царапину в порыве страсти. Сейчас мне хотелось располосовать ее в кровь!

- Что забыла, замена? - откинула волосы с лица движением головы мегера.

Оттаскать их за волосы или уйти, не замарав руки?

Но как ретироваться, когда трясет так, что если ничего не сделаю, то меня просто разорвет? Убежать или ударить? Что же делать?

Взгляд зацепился за огромный вазон с цветами. То, что надо! Недолго думая, я схватила его, размахнулась и вылила воду вместе с колючими розами прямо на сладко-предательскую парочку.

Соперница завизжала что-то о колких розах и испорченной нанопластике волос, а я вылетела из театра, не видя ничего перед собой. Где машина? Куда я ее припарковала? Ничего не вижу, слышу только шум летящих по дороге машин, а перед глазами фонари смазались в неясные пятна света. Пришлось остановиться, привалиться к чему-то холодному и закрыть глаза. Не знаю, сколько я так простояла, но, когда смогла дышать полной грудью, слезы

высохли на щеках, а глаза пекло. Зато я смогла разобрать направление и пойти к парковке.

Миша нашел автомобиль быстрее и уже стоял около него. Мокрый и полный раскаяния, изливал оправдания:

– Адель, я все рассчитал, ты же не пострадала. Я специально, чтобы она не обратилась к другому, кто доведет дело до конца. Понимаешь?

Опустошение. Слова Миши будто отбивались от меня, не проникая внутрь. Не было никаких сил отвечать. Про мою аллергию на лекарства знали только врачи, родители и он. Что за бредовые оправдания? Не хочу их слушать!

Я попыталась открыть дверь, но Миша встал между машиной и мной, не давая мне попасть в салон. Я попыталась обойти, но он настойчиво делал больно даже одним своим знакомым запахом духов Леди.

Спазм отвращения скрутил живот, и я отшатнулась назад. Не дает попасть в машину? Да обойдусь!

– Адель! Адель! – слышала я сзади и прибавляла шаг, идя прочь. – Подожди!

Боги, ну почему мне всегда нужно проходить через тернии? Где же мои звезды? Почему этот мир не дает мне и шанса, как бы я ни старалась? Есть ли другой, где меня оценят не по внешности, а по таланту? Где не предадут? Где полюбят всем сердцем?

Я наступила на что-то шаткое и, только проваливаясь, поняла, что это был люк. Я полетела вниз, и сил осталось только сдавленно ахнуть.

Только этого мне не хватало для конца прекрасного дня! Просто вишенка на торте.

Вжу-у-ух!

Меня закрутило, будто на спиральной горке в аквапарке, и я рефлекторно прижала руки к бокам. Темно, в ушах свистит от скорости, а я так и чувствую,

как капли ледяного пота бегут по вискам.

Я попыталась затормозить, но едва не сломала пальцы. Кажется, меня спасло, что кожа была слишком скользкой от страха. Совсем некстати вспомнились правила безопасности спуска с горок, которые категорически запрещают растопыривать конечности. Лапки крестиком мне еще складывать не хватало, это же не аквапарк! И вообще, с каких пор под люками такие увеселительные горки?

Но не успела я придумать план по спасению, как в кромешной темноте забрезжил свет, который приближался с невероятной скоростью.

Вжу-у-ух!

Я вылетела куда-то, ослепла на секунду и достаточно жестко приземлилась. В животе была невероятная тяжесть, а руки тряслись, когда я стерла пот со лба. Скукожилась, щурясь, и только потом поняла, что крайне неудобно сижу.

По ощущениям похоже, будто я влетела в бассейн с шариками в детском лабиринте, вот только больно уж твердыми. Словно... я прищурилась... что это? Картошка?

Я так сильно вцепилась пальцами в клубень, что оставила дугообразные выемки на овоще. Хватая ртом воздух, подняла глаза и нервно осмотрелась вокруг.

На меня смотрели три пары выпученных глаз.

– З-з-здравствуйте! – поздоровалась я, приподнимая плечи, словно старалась спрятаться.

Другой бы молчал, но слова у актеров вылетают зачастую чаще, чем мозг успеет взвесить, стоит ли приветствовать незнакомых людей в подобной ситуации. На толстенной сковороде что-то зашкварчало, запахло горелым, а повар в белом, с лопаткой в руках, все еще смотрел на меня.

Я же упала в люк, так как я теперь сижу на куче картошки на огромной кухне?

Странно, но я не чувствовала ног, будто они были чужими. Попыталась встать, но клубень попал под пятку и вылетел из-под ноги, а я снова упала на гору картошки.

Запах гари стал настолько отчетливым, что стало трудно дышать. Над сковородой за клубился черный дым.

– У вас подгорают. – Я показала взглядом на сковороду, громко глотая слюну, и тут мир будто отмер.

Повар, что наклонил голову набок и поджал губы, вздрогнул, всплеснул руками, глядя на свое блюдо, и взялся за дело. Двое других поваров переглянулись, один потер подбородок, а второй почесал щеку, и тот, который постарше, спросил:

– Ты зачем залезла в люк для поставки продуктов? Хочешь быть приготовленной?

Я медленно осмотрелась и, только оглянувшись, заметила горку, что змеей уходила вверх. И сейчас по ней так быстро шуршал мешок, грозя свалиться мне на голову, что я слетела с горы картошки и оказалась аккурат между поваров.

– Я Адель, – сухим горлом представилась, зная, что в любой непонятной ситуации все решают минуты первого общения. Когда называешь человеку свое имя, то уже кажешься не такой сумасшедшей незнакомкой, верно?

Я растянула губы в напряженной улыбке.

Что за чертовщина творится? Где я? Почему?

Невольно затеребила мочку уха, и ощущение привычных цветочков-сережек придало чувства реальности происходящему. Вот колют подушечки пальцев золотые лепестки, вот я вижу, как быстро-быстро моргает самый молодой из поваров, глядя на меня, а вот по ногам идет жар от духового шкафа.

Все это реально? Я потеряла кусок памяти и забыла часть своей жизни? Последнее, что я помню, – это предательство Миши.

Я опустила взгляд и осмотрела одежду – та же, что и в тот злополучный вечер после премьеры.

Так, ладно, буду разбираться по порядку. Эти трое не знают меня, я не знаю их – все сходится. Куда бы я ни попала, отсюда надо выйти. А раз от меня ничего не ждут, значит, я могу уйти отсюда без проблем и осмотреться.

Я положила руку на плечо и с удивлением коснулась ткани, не зацепившись за ремень сумки. Завертелась вокруг, осмотрела гору картошки, но не нашла женского хранителя черной дыры.

Между тем мешок шмякнулся на гору картошки, и я посмотрела на горку, в то место, где она уходила в стену. Я же оттуда приехала? Если заберусь обратно, то куда попаду? Как я там оказалась?

Меня кто-то скинул, предварительно осчастливив ударом по голове?

От запахов еды и нервов желудок задрожал.

Главный повар громко прочистил горло, чтобы, чую, сказать что-то неприятное, как двойные двери открылись и в зал влетел полный мужчина.

– Да где его носит? Кто обслуживать гостей будет? Грета не справляется одна, а этот заморыш снова ушел играть? Увижу – убью... А это еще кто?

Я спрятала за спиной клубень картошки и покосилась на главного повара, а тот, не будь дурак, вдруг сказал:

– Это Адель. Похоже, Урин ее на свою замену прислал – смотри, сразу за картошку схватилась!

И выдвинул меня за плечи вперед, пробормотав себе под нос:

– Только переодеть ее надо, а то как мальчишка.

Полный мужчина довольно крякнул, стер пот со лба и провел рукой по штанам.

– Некогда платьями махать, у нас полный зал. Волосы собери под кепку – и вперед. Адель, или как там тебя, что стоишь? Пошла, родная, пошла!

И сунул какой-то квадрат мне в руки, выхватив клубень, а потом выпихнул в помещение, полное голосов и запахов.

Мои мысли застыли, и я словно оказалась в пространстве без времени, оглядывая все вокруг.

Я столкнулась нос к носу с бледной девушкой, которая тут же отставила в сторону пустой поднос, на котором задребезжала посуда. Темные брови свелись в тонкую галку на фарфоровом лице, а взгляд больших глаз с неодобрением прошелся по моим распущенным темным волосам. Маленький рот приоткрылся и тут же закрылся, а уголки губ печально опустились.

В воздухе мелькнула алым тонкая лента, и я нахмурилась, не понимая, откуда она взялась. Девушка между тем торопливо стянула с кисти что-то похожее на резинку и, недолго думая, протянула руки ко мне.

Я отпрянула: чужой человек, непонятная обстановка – вообще все странно и непонятно, да еще руки тянут.

А вот красная нить обозначилась на руке незнакомки, блеснула вокруг запястья и не думала пропадать. Искорки бегали по кругу, а потом стремились по всей длине нити куда-то сторону, в толпу, словно это была не тонкая лента, а поводок.

За спиной девушки бурлила вечерняя застольная жизнь. Звенели приборы, стучали тарелки, и именно в эту толпу тянулась тонкая веревочка. Сквозь нее проходили люди, подносили бокалы ко рту, проводили насквозь вилками, но с ней ничего не случилось. Ее словно никто не замечал, кроме меня.

Я притихла, а из горла вырвались свистящие вдохи. Я попробовала дотронуться до нити, но девушка пришла в движение, и мои пальцы проскользнули мимо.

– Что ты как дикая кошка? Стягивай сама. – Черная резинка ютилась на протянутой открытой ладони незнакомки. – Зови меня Гретой, я дочка хозяина, с

которым ты только что говорила. Давай быстрее, гости ждут. Вот тебе кепка, убирай волосы. За парня, может, и не сойдешь в своих штанах, но так хоть меньше внимания будет. Хотя... – Напряженная полуулыбка появилась на едва розовых губах девушки, она отклонилась назад и покачала головой. – Можешь и без кепки идти, волосы только прибери.

И Грета снова схватила поднос, а алая нитка мелькнула в воздухе и пропала, а я с удивлением моргнула. Что это было?

Похоже, кто-то точно сильно приложился при падении...

Так я видела нить или нет? И что это, вообще, такое? Почему я здесь нахожусь? Почему ничего не помню?

Я же не теряла связь с миром, летела по горке вниз, а потом оказалась на кухне. Я даже обернулась сейчас туда, чтобы убедиться, что она все еще на месте. В этот момент дверь открылась, и мелькнул желоб для продуктов.

Я же не сошла с ума, верно? Я помню, как провалилась в люк, помню, как прокатилась по горке и как оказалась здесь.

Может, это глюк?

Но если это воображение, то почему все такое красочное? Почему свербит в носу от запахов? Почему чувствуется твердость барной стойки справа, мягкость кепки, холод по ногам от пола?

Я заметила надпись над входом “Таверна у Бернарда”.

. И вроде написано каракулями, а не кириллицей, но я понимаю все – просто удивительно. Хм...

– Ты еще здесь?! – рявкнул хозяин сзади так, что я подпрыгнула, на лету натягивая кепку. У нас режиссер точь-в-точь так орал, когда ему что-то не нравилось.

И что это за квадрат у меня в руках? Плоский, белый, Берта с ним оббегает столики, постоянно трогает его...

- Пятый столик, Адель! Пятый! Это вон тот. Обслужи, гости ждут уже полчаса!

Несмотря на толчки в спину, я шла медленно, рассматривая посетителей заведения.

Глава 2

Капли воды падали на выступающие на стенах кирпичи и словно звенели, составляя мелодию. Необычно!

За столиками публика оживленно общалась на незнакомом мелодичном языке, который в голове воспринимался мыслеобразами. Вот тут обсуждают планы на завтра, а за этим столиком мужчины отпускали сальные шуточки об общей знакомой.

Чувствуя, будто ноги погрязли в пудинге, я тягуче прошла мимо столика, где женщина в открытом платье рассматривала меню, и изловчилась сунуть в него нос. Строчки слов напоминали арабскую вязь, но стоило задержать взгляд на них чуть дольше, как я прочитала: «Утка с вишневым соусом».

Приехали! Так, ладно, мой мозг меня еще ни разу не обманывал. Этому должно быть логическое объяснение!

В голове не было ни одной дельной мысли, как аргументировать все чудесные вещи, что происходили вокруг, поэтому я вцепилась в единственный реальный вариант: меня разыгрывают. А нитка, скорее всего, оптическая иллюзия. Да-да! А вот то, что я понимаю непонятную речь и читаю на странной вязи... этому тоже должно быть объяснение!

И имена здесь странные. Хотя с моим именем родители тоже проявили творческую жилку, но никаких Грет, Бернардов и Уринов в моем окружении не было.

И одежда совсем нетипичная для современного общества. У женщин – платья, удобные на вид, но закрывающие ноги полностью. У мужчин преимущественно темные тона, причудливый покрой и много вставок с ремнями и карманами. Станный стиль.

Интересно, из какой театральной костюмерной забрали и зачем? Не верится, что все это из-за меня.

А блюда на столе? Совершенно незнакомые, такие, которые я даже в приключенческих передачах не видела, чтобы сознание выдало за видение. Нет, это точно не сон!

Оставался вариант розыгрыша.

Я подошла к столику, посмотрела на четверых злых мужчин, одаривших меня своим презрением, отсканировав от макушки до пят. Один из них выдал:

– Еще и непонятно что нас обслуживать будет. Таверна у Бернарда нынче не та!

Я вздрогнула и отстранилась от мужчин, закрываясь плоским прямоугольником в руках. Отвернулась, а потом вытерла прямоугольник об одежду, будто очищая его от грязи, а сама считала языком зубы.

Где тут выход? Нужно уходить с этого никудышного представления!

И тут протяжный волчий вой, пробирающий до самого нутра, заставил всех вздрогнуть.

– Дикий патруль! – Грубияны, выпучив глаза и разом уменьшившись в размерах, повскакивали с мест, подбирая пожитки и торопливо собираясь на выход.

Капли перестали течь на каменные выступы, и мелодия смолкла.

Грета ахнула, подобрала юбку и побежала на кухню, откуда я услышала ее крик:

– Главарь Дикого патруля идет ужинать! Зажечь все конфорки!

Меня толкнули в плечо, и я отступила. Ткнули локтем в спину, и я подвинулась снова. Ну-ка, интересно, а это что за новый виток в представлении?

Как только я стала думать, что все это чья-то дурацкая шутка, живот перестало крутить, а дыхание поддалось контролю. Успокаиваясь, я наблюдала, как дочка хозяина выбежала в зал, нашла меня глазами у стены, куда я прижалась, чтобы не мешать людям сбегать, и сказала:

– Молчи, ни слова не говори. Убирай пустые тарелки, я буду подносить полные. Ясно?

Неужели поняли, что я заподозрила неладное, и пустили в ход интерактив? Что ж, играют они что надо. Девушка, и без того бледная, казалось, сейчас рухнет на пол без сил. Она поправила прядь волос, выбившуюся из пучка, и снова у нее на запястье мелькнул тонкий красный поводок.

Какая добротная иллюзия.

Главарь Дикого патруля спустился в зал абсолютно бесшумно. Я поняла, что кто-то зашел, не по скрипу ступеней лестницы, а по дуновению ветра снаружи и по запаху дикой мяты. Это точно не воображение: у меня даже микроволоски в носу защекотало и охладило слизистую, словно карандашом с ментолом.

Повернула голову и встретилась с темно-серыми, как грозовое небо, глазами.

В освещении таверны казалось, что волосы мужчины отдают в серо-голубой, даже пепельно-синий оттенок. Лицо загорелое, будто он много времени проводит на свежем воздухе. Фигура крупная, словно на этом самом свежем воздухе он только и делает, что без усталости занимается спортом. А шея такая мощная, что мне сразу вспомнился Брюно Пельтье в партии мюзикла “Нотр-Дам де Пари”, когда он был в апогее славы.

Что-то мне рубашка в груди тесновата, а косточки нижнего белья так давят. Фух!

С такой широкой грудной клеткой у этого главаря, должно быть, обалденный голос. Так и хотелось поднести микрофон к его рту и попросить спеть хотя бы

четыре строчки. Но даже будь у меня он, я не осмелилась бы подойти. От мужчины шла такая неприступная энергетика, которая будто размазывала всех окружающих по стеночке.

Я не оказалась исключением – мимикрировала под обстановку, чувствуя, как все тело покалывает. Осторожно сняла кепку, сунула ее куда-то между стульями и провела рукой по волосам.

Боги, где они нашли этого актера? Это же находка! Хочу с ним играть вместе, ведь стоит на такого только взглянуть, как мгновенно настраиваешься на нужный лад.

Сверху по лестнице зацарапали когти, и вот тут я четко осознала, что это был не звук с устройства, а реальный скрежет по дереву хищника. Мужчина едва повернул голову в сторону и цыкнул, глядя на меня из-под опущенных ресниц, и тут же противный звук смолк: животные затихли.

Эт-т-то волки? Настоящие? Да они же не поддаются дрессировке! Режиссер-постановщик розыгрыша сошел с ума? Я точно видела морду в проеме!

Грета суетливо освобождала самый большой стол в середине зала, то и дело стреляя в меня быстрыми взглядами. Когда стало чисто, она, кусая губы, встала у отодвинутого стула, вытянувшись, словно молодая осинка.

Дверь кухни с грохотом открылась, и оттуда вывалились сразу три повара, а за ними спешил хозяин. У всех в руках были полные тазы красного парного мяса.

– Прекрасного вечера, господин Верс! Сколько с вами волков сегодня? – расшаркался хозяин перед гостем.

– Восемь, – голос посетителя с хрипыми нотками отдал дрожью внутри. Он словно хотел что-то добавить, но сделал паузу, засмотревшись на меня, и больше не продолжил.

Повара с хозяином раскланялись, горбясь к полу, и громко затопали по лестнице вверх, тихо споря между собой, кто будет первым.

Главарь был выше хозяина таверны на полторы головы и мощнее раза в два. Я могла оценить мужскую красоту Верса по достоинству: красив, смертельно хорош, животно притягателен.

Я разгладила невидимые складки на одежде, облизала губы и порывисто шагнула вперед. В этом розыгрыше не буду винить только его, слишком хорош.

В основном меня в последние десять лет окружали люди творческие, гибкие, тонкие, поджарые, иногда даже болезненно-худые, иногда с животиком, но никогда вот такие дико харизматичные в своей мужской природе и силе. Казалось, что стул под ним просто рухнет, а стол пойдет трещинами от соприкосновения с локтем мужчины.

И называли его характерно, к месту – главарь Дикого патруля.

Мужчина сел, все еще терзая меня взглядом, то сдвигая брови к переносице, то расслабляя. Он сосредотачивался то на моих губах, то на моей воротниковой зоне, то на моей талии, и каждый раз мои мышцы каменели от его взгляда.

Одно я осознала сейчас точно: именно такой мужчина нужен, чтобы зализать раны и забыть предательство. Наверное, на моем месте любая влюбилась бы, даже замужняя, но мне мешал тяжелый взгляд мужчины. Я привыкла, что у артистов мимика живая: все, что они чувствуют, написано у них на лице. Правда, иногда актерское мастерство познано в таком совершенстве, что они показывают только необходимые эмоции, а не истинные чувства. По лицу же этого Верса невозможно было ничего прочесть.

– Сегодня есть особые пожелания, господин Верс? Или вынести все блюда меню? – Грета мяла руками платье, но говорила звонко, глядя прямо перед собой, разве что иногда голос сбивался, и в этот момент девушка больше походила на призрак, чем на человека.

Ей же явно плохо! Зачем играть дальше?

Красная нить заискрила снова, отвлекая мое внимание на себя. Ни девушка, ни главарь ее будто не замечали. Тонкая алая паутинка спокойно проходила сквозь предметы и тела, но не вызывала никакой реакции, они даже не морщились.

Я присмотрелась к природе происхождения и поняла, что это точно не лазерный луч. И для проекции нет этой огромной сложной установки в помещении. Тогда как они это делают? Какие-то новые технологии?

– Все. – Верс хлопнул ладонью по меню, резко потянулся за соседний столик и заграбастал себе оставленную сбежавшим посетителем тарелку с едой.

Взял куриную ножку и съел ее буквально в один укус, а из моего рта вырвался пораженный выдох.

Вот это да! Вот это волчий аппетит!

И ест так заразительно, что даже мой желудок жалобно заурчал, а рот наполнился слюной.

Белоснежные зубы впивались в мясо, и я поймала себя на мысли, что не могу оторвать от этого зрелища взгляд. И вот одна чужая тарелка утонула в его желудке, вторая, третья. А потом и все принесенные из кухни на его стол блюда.

– Адель! – Грета сделала страшные глаза, показывая взглядом на пустые тарелки.

Ах, точно! Меня же попросили участвовать и относить тарелки!

Ладно, мне уже интересно! Подыграю.

Я только и успевала, что подхватывать пустые блюда, а Грета – приносить новые. Еда пропадала в Версе с такой скоростью, что я на полном серьезе обошла его по кругу. У него что, не желудок, а шляпа фокусника?

Мужик, я передумала, ты совсем не красив! Тебя же не прокормишь!

Мужчина откинул длинные, шедшие волнами волосы с лица так по-пещерному дико, что моему дыханию сделали подсечку. Огромной ручищей Верс взял большую кружку воды и быстро поднес ко рту, запрокидывая голову. Мощная длинная шея пошла венами, и “глоть” его кадыка отправил меня куда-то в другой мир. В мир, где был только он, капли воды, стекающие по его рту вниз,

по шее, а потом в вырез странной одежды с кучей ремней и кожи. Туда, где невооруженным взглядом видно, что грудные мышцы у него тверже стали. Туда, где капли становятся золотыми, стекая по бронзовой коже. Туда, где я потеряла совесть и все чувства приличия, жадно пялясь на мужика.

Боги, если это сон, то я не хочу просыпаться! Если это последствия удара головой, то тресните меня еще раз, когда пойду на поправку! Если это постановка, то я выкупаю актера на вечер!

Мне всегда нравились длинные пальцы на руках мужчин. Это казалось мне проявлением творческого потенциала. Здесь же у главаря была не кисть – ручища. Огромная и мощная, как лапа дикого зверя. Казалось, что такой можно убить.

Никогда не заглядывалась на длинноволосых мужчин, даже моделей, но Версу волосы только добавляли дикости.

Как натура творческая, я оценила цельный образ, но все равно не удержалась, чтобы мысленно подстричь мужчину. Как бы он выглядел с современной стрижкой и в костюме? Стоило мне представить это, как у воплощенного в голове образа расстегнулся пиджак, а пуговицы на рубашке повыстреливали в разные стороны, не в силах сдержать его фигуру в оковах скучного имиджа.

Я аж выданным квадратиком обмахнулась, сгоняя нахлынувший жар.

– Эй! Эй! – Грета, оказывается, уже давно толкала меня в бок, а пепельно-синеволосяй Брюно... ой, простите, Верс смотрит так, будто сейчас съест живьем вместо очередной курочки.

Девушка пролепетала:

– Мы на секундочку, господин Верс! – И утащила меня на кухню с силой, которую никогда не заподозришь в такой хрупкой фигуре.

Я еле оторвала взгляд от мужчины, чувствуя себя слегка опьяненной. Щеки горели, рука, за которую потянула Грета, казалась куда более чувствительней, чем обычно. В груди как-то странно дрожало, даже когда девушка принялась

меня отчитывать, затащив вглубь кухни:

– Жизнь не дорога? Зачем ты смотришь главарю в глаза? Смерти ищешь? – шептала она, постоянно поглядывая на дверь поварской.

А что, нельзя? Что за странный запрет? Представление продолжается?

– Всем мужчинам нельзя смотреть в лицо или только диким? – вырвалось со смешком у меня, и Грета удивленно моргнула. – Хватит разыгрывать меня, я уже все поняла. Можно прекратить. Скажи всем заканчивать.

Девушка нахмурилась, отвела взгляд в сторону и вернула его мне, полный непонимания:

– Ты о чем? Какой розыгрыш? Ты выпила?

И так легонечко встряхнула меня за плечи, что я мгновенно подобралась.

– Ты что, не замена Урину?

– Я знаю, что это спектакль. Прекращайте. Не знаю, зачем все это. – Я втянула воздух через нос и пораженно выдохнула, увидев красную нить так близко.

Во рту пересохло, а из легких вышел весь воздух, когда я смогла рассмотреть, как по тонкой ленте бегут искрящиеся частицы. Как нить то пропадает, то появляется снова и выглядит как настоящая магическая штука, и никак иначе.

– Да откуда ты такая свалилась? – вдруг спросила сердито Грета.

Я не могла оторвать взгляд от нити, которая в этот раз шла через меня. Даже подвигалась немного вперед-назад, следя за тем, как искорки уходят в район моего солнечного сплетения и появляются вновь.

Голову повело от сиюминутной мысли, что это не постановка. Что эта речь, эта письменность, эта одежда и эта нить – все это что-то странное, будто принадлежит другому миру.

Я подозрительно посмотрела на горку, но девушка поняла по-своему.

– Ладно. Слушай меня: голову не поднимай, смотри только на тарелки. И молчи, умоляю, молчи.

Стоило только допустить мысль, что со мной случилось невероятное и я попала в другое измерение, как мир качнулся, а легкие загорелись. Перед глазами замелькали картинки вечера, серая волчья морда, страшный вой, пугающий Верс, волшебные нити, и в висках запульсировало.

Нет! Не может быть!

А если все же так и есть, то кто тот мужчина? Огромный, хищный, повелевает волками?

Я сглотнула, часто заморгала, прижимая руки к животу, и посмотрела на Грету.

– Скажи, этот Верс – оборотень?

Бредовое предположение, но по ответу будет сразу многое понятно. И насколько больные мои предположения о другом мире, и насколько Грета во всем этом осведомлена и участвует.

Девушка посмотрела на меня как на сумасшедшую.

– Это кто такой?

– Ну, он же с волками ходит. Превращается во время полной луны в волка? Знаешь, полузверь, получеловек...

Девушка искоса посмотрела на меня, поднесла руку к моему лбу и задумчиво покачала головой.

– Температуры нет. Болезная?

– Нисколько, – ничуть не обижаясь, ответила я, думая с облегчением, что ошиблась.

Конечно, это же бред! Какие оборотни? Да и какой другой мир? Что-то я перегрелась...

– Тогда как ты не можешь знать про Дикий патруль? – Грета положила свою руку поверх моей кисти, и я засмотрелась на красную нить на запястье.

И все же эта ленточка не дает мне покоя!

– Я не из этих мест. Из далекой... глубинки, да... глубинки! – нашлась я и пальцем дотронулась до нити.

И тут одновременно произошли две вещи: снаружи раздался громкий волчий вой, и Грета в ужасе закрыла рот рукой и уставилась на меня широко распахнутыми глазами.

Глава 3

– Ты видишь нити судьбы? – Грета сбилась на хрип и не моргая смотрела на меня.

– Ну да. Нельзя?

Девушка вцепилась в меня сильнее и оглянулась по сторонам, втянув голову в плечи. Я же не знала, что и думать. И вроде уже и на розыгрыш совсем не смахивает, и капли пота с ее бледного лица катятся вполне реальные. Но главное, что эта нить на ощупь не была эфемерной: я смогла почувствовать упругость, а кончики пальцев до сих пор покалывало от касания.

Дочка хозяина выглядела и испуганной, и взбудораженной одновременно. Резко обернулась к выходу в зал, откуда донесся скрип ножек стула по полу, и покачнулась.

– Тебя сейчас схватит Верс!

– За что? Я же пальцем тронула только. – Я тоже с тревогой посмотрела в сторону выхода, припомнив слова девушки. – Это преступление – видеть нити?

– Еще какое! – Рука Греты, нервно трясясь, спустилась ото рта к шее, а потом зарылась в складках платья. – Это запретный дар! Из-за него в последний раз знаешь сколько проблем было? Ты что, совсем ничегошеньки не знаешь?

Я покачала головой, слыша, как когти волков стучат по ступеням. Они словно скребли сейчас по моим нервам: ширк-ширк.

Охохоюшки-хо-хо!

Девушка достала из складок платья блестящий небольшой предмет, обхватила мою руку и всунула в нее, накрывая своими двумя ладонями, будто закрывая тайник.

– Закрепляй в волосах! Быстро, иначе тебя уже ничего не спасет!

А сама вцепилась в мои руки с еще большей силой и, только сообразив, что я ничего не делаю из-за нее, резко отпрянула. И это было сдобрено такой горстью паники, что я не могла не послушаться, защелкнула заколку у себя на макушке, чувствуя, что если этого не сделаю, девушка сама кинется закреплять ее на мне.

Представляю получившийся вид: волосы, собранные в хвостик, и заколка набекрень. Впрочем, какая разница? Если моя внешность такая же, как была, то хоть бантом перевяжи – ничего не поможет.

Вот только какой толк от заколки?

Сейчас, когда я видела, как Грета в панике хватается за горло, какой липкой стала ее кожа от пота, я верила во всю опасность ситуации.

– Может, лучше бежать? – Я импульсивно вцепилась в девушку, и мы прижались друг к другу плечами.

– Догонит! – Грета отстранилась от меня, осмотрев сверху донизу, и вдруг улыбнулась. – Работает!

Дочка хозяина хлопнула меня сверху по руке, разрывая контакт, отошла в сторону и сняла с крючка поварскую одежду. Накинула ее на меня, не застегивая, и еще поверх натянула фартук, быстро завязав ленты узлом. Не успела я и ахнуть, как в руках у меня оказалась поварешка, а я сама лицом у плиты.

Двери с грохотом распахнулись, и на кухню забежали огромные серые волки, зарыскали между рядами столов и конфорок, шумно дыша. Не помню, как я оказалась на разделочном столе с ногами, но собственный визг заложил уши.

Черные носы шумно дышали, уши торчали, а шерсть на мускулистых спинах переливалась здоровьем. Через приоткрытые пасти было видно острые зубы, от вида которых свело живот.

Волки по мою душеньку пришли? За то, что ниточки подергала? Ну и ну! Что за мир?

А Грета стоит, показывает мне открытую ладонь и делает ей жест вниз, словно прося успокоиться. Да только как, когда перед глазами черные мушки страха летают?

Я в панике посмотрела на горку. Успею добежать? Вдруг там еще открыт люк в мою вселенную?

Верс ступил на кухню тихо, словно сам был одним из волков – чистая неподавляемая сила. Быстро окинул взглядом помещение и хрипло спросил:

– Где эта страхолюдина? Так и знал, что в ней что-то не так.

Страхолюдина?

Я пошатнулась, стоя на карачках на разделочном столе. В солнечное сплетение будто поварской нож воткнули. Я бы не удивилась, если бы сейчас я закашляла кровью.

Очарование этого мужчины рухнуло на сто баллов, а в душе стало так больно. Хам! Хотя пора мне привыкнуть уже, да я все борюсь с ветряными мельницами. Хочу, чтобы судили не по обложке, а по наполнению.

А этот Верс хоть и сумасшедше магнетический, но такой же, как все. Видит одно – смятый фантик, не замечая, что есть внутри.

Эх, ну все, можно мне прощаться с жизнью. Убежать не успела, мужик оскорбил, сейчас еще и схватит и неизвестно что сделает за то, что вижу дурацкие нити. Еще в ведьмы запишет или еще кого и сожжет – не хуже средневекового инквизитора.

Поварская одежда обманет его на секунду, а потом он взглянется в мое лицо – и все, прощай, молодость.

Ну ничего, бороться я буду до последнего вздоха, сдаваться без боя не собираюсь.

Моя страсть к мужчине выжглась смертельной обидой. Я стиснула поварешку в руках.

Верс посмотрел на меня, и хищное выражение лица мгновенно изменилось. Мышцы расслабились, морщины разгладились, и он порывисто сделал шаг ко мне. Протянул руку к моему лицу, будто забывшись, и огромная рука застыла в сантиметре от моей щеки, позволяя соотнести размер его лапищи и моей головы. Один в один!

И тут на широком запястье мужчины заискрила нить, а ее кончик так быстро устремился ко мне, что я не успела ахнуть. Раз – и вокруг моей правой руки появился поводок. По венам будто пустили ток, и в этот момент я действительно поверила, что попала в другой мир.

– Ау-у-у! – завyli волки, запрыгивая на горку.

Верс резко повернул головой в сторону животных, сердито цокнул языком, будто недовольный, что его оторвали от меня, и один серый стремглав забрался по горке вверх, шумно царапая металл когтями.

Главарь Дикого патруля бросил на меня долгий взгляд, отведя руку обратно, и размашисто пошел на выход, явно собираясь поймать нарушителя, по следу которого отправился волк.

Одно я теперь знала точно: вот как выглядит взгляд Верса, когда он испытывает чисто мужской интерес, и он в корне отличается от того, которым он буравил меня во время ужина.

Но почему такие резкие перемены? Почему он не узнал меня и имеет ли к этому отношение заколка Греты?

Зеркально отполированная вытяжка отражала привычную меня. Грим я стерла еще в театре, и темные, цвета вороного крыла, волосы делали светлые брови почти незаметными. Глубоко посаженные синие глаза тонули в черных кругах, которые было не свести ни сном, ни долгими прогулками на свежем воздухе. Доставшийся от папы нос крюком на моем маленьком лице выглядел по-настоящему выдающимся, а тонкие губы под ним казались практически незаметными. Что ж, я такая же, как и была. Так почему Верс ошибся?

Кого-то природа одарила внешностью, меня же побаловала голосом и слухом, а вот про оболочку забыла. Страдала ли я когда-то оттого, что не была даже симпатичной? Ну разве что года два на самом пике подросткового возраста, и то несильно. Родители всегда прививали мне понимание, что не лицо красит человека, а душа. Да и школьные годы доказали правоту этих слов: я была сердцем класса вопреки всему своеобразию внешности.

Мой любимый фильм – “Грязные танцы”. И я прекрасно помню печальную историю актрисы с носом с горбинкой: стоило ей сделать пластику, как приглашения на роли закончились. Все режиссеры в один голос говорили, что она сделала себя обычной, такой, как все.

Так вот, я не хотела быть как все. Хотела быть Дженнифер Грей в “Грязных танцах”, которую ценили бы за уникальную внешность и талант. Хотела найти признание такой, как есть.

Мне казалось, что я давно прекратила реагировать на первое мнение о моей внешности, но обидное прозвище из уст Верса меня действительно зацепило.

Хотелось кинуть в его удаляющийся затылок висевшим на стене ковшиком. Ничего, я ему еще припомню “страхолюдину”!

Мои ноги дрожали, когда я слезла со стола на пол, глядя, как последний волк покидает кухню. Грета опиралась на стол для резки мяса двумя руками и качалась, а уже через секунду локти девушки подогнулись, и она сильно ударилась сначала о стол, а потом свалилась на пол.

– Грета! – воскликнула я, кинувшись к ней со всех ног.

И про дрожь в ногах забыла, и про волков, и про обиду на их главаря.

– Доченька, за что нам такая напасть? – Хозяин таверны на коленях стоял на полу у кровати Греты, держа хрупкую кисть девушки в своих мозолистых руках. Чем-то мужчина напомнил мне моего отца, когда я болела: тот тоже в детстве не отходил от меня ни на шаг, да и сейчас, когда я живу отдельно, стоит ему узнать об этом, как он места не находит себе от беспокойства.

Три повара тоскливо вздыхали, переступая с ноги на ногу у порога. Было видно, что они искренне волновались за Грету и стояли тут после закрытия таверны не потому, что так надо, а потому, что переживали.

Девушка медленно открыла глаза и еле заметно улыбнулась отцу, а потом поварам и мне.

– Все хорошо.

И почему-то всем стало понятно, что нехорошо, даже мне.

– Она болеет? Давно? Может, врача? – тихо спросила я у одного из поваров.

– Ни один лекарь не поможет, – сминая в руках поварской колпак, ответил мне мужчина лет сорока и грустно вздохнул. – Нить судьбы тянет силы, а у Греты их и без того не было. Без нее она слабенько, но жила бы себе, а тут...

Другой повар, лет шестидесяти, проворчал в усы:

– Вот уж точно! Тот вариант, когда истинная пара не награда, а наказание.

Нить судьбы? Это та красная паутинка, что я видела?

Я посмотрела на бледное лицо девушки и встретила с ней глазами. Неужели это я, когда тронула эту ниточку, сделала ей плохо? От ее запястья по-прежнему тянулся тонкий алый поводок, который я тронула на кухне.

Я как можно незаметней подняла свою правую руку. Вот она, алая, и у меня теперь блестит. Видят ли ее другие? Видит ли ее Грета?

Но все мельком посмотрели на мой жест и переключили свое внимание обратно на девушку. Так, похоже, ниточку вижу только я.

– Но откуда вы знаете, что у Греты нить? – это было единственное, что я могла спросить, чтобы не выдать себя.

Все переглянулись, будто думали, говорить или нет.

Но тут Грета удивила: положила руку на ладонь отцу и сказала:

– Адель дотронулась до моей нити.

Оу, ну все, сейчас меня четвертуют, да?

Но почему-то хозяин таверны вскочил на ноги, глядя на меня, как на сошедшую с небес богиню, сжал кулаки и спросил:

– Это правда? Ты можешь видеть нити? И даже трогать?

Мой взгляд в сторону окна был настолько очевидным, что два повара тут же бросились собой закрывать проем. Третий повар встал у двери, а хозяин таверны будто боялся двинуться с места.

– Адель, тебя никто не сдаст Дикому патрулю. Ты же видела, что я тебя спасла от него, дала заколку? – Грета попыталась подняться на кровати, но была

настолько слаба, что снова упала на подушку.

Как только девушка потеряла сознание на кухне, а по лестнице слышались громкие шаги и обеспокоенная речь поваров, я сняла заколку и больше ее не надевала. Мало ли какие свойства имеет этот предмет. Если Верс меня не узнал, то как быть с другими? Вдруг подумают, что это я сделала что-то с дочкой хозяина таверны?

Теперь заколка лежала в кармане моих брюк, и я нащупала аксессуар рукой, крепко стиснув тот в ладони.

Грета помогла мне, спору нет. Но с этими нитями тут что-то совсем непонятное творится. Как они знают, что у Греты есть нить, если не видят ее? Или здесь принято притворяться, что не видишь? А этот патруль, что гонится за теми, кто... Кто что? Видит нити? Может дотронуться?

- Папа, оставь нас с Адель, вы ее с дядюшками только пугаете.

Дядюшки? Фигурально выражаясь или родословной подкрепляя? Все трое? Вот это семейка!

Но девушка права: если с ней я еще хотела говорить, то с таким давлением со стороны мужчин желала лишь побыстрее улизнуть отсюда. Теперь у меня не осталось сомнений, что это другой мир и я в него попала по полной программе. Патруль, который за мной гонится. Семейка, которая явно от меня что-то хочет.

Нужно как-то притупить осторожность для того, чтобы попытаться подняться по тому скату для овощей вверх. Вдруг путь в мой мир еще открыт?

С другой стороны, мне до жути интересно, что же это у меня за запретный дар, как сказала девушка. Пять минут ничего не решат, верно?

Подумав так, я решительно кивнула, соглашаясь с тем, что с удовольствием поговорю с девушкой наедине. Бернард, хозяин таверны, обеспокоенно посмотрел на дочь, потом погрозил мне пальцем и позвал "дядюшек" за собой.

– Садись, – Грета похлопала рукой по простыне, – мне тяжело говорить громко, подойди ближе.

Ну не похожа девушка была на злодейку, не похожа. Во многих мюзиклах героине сразу же начинают противостоять силы зла, но здесь я антагониста не видела. Верс – это пожалуйста, красивейший из злодеев, ему подходит это образ, но не дочке хозяина таверны.

Я присела на краешек кровати и с любопытством посмотрела на Грету.

– Как ты себя чувствуешь? Это я виновата, что тебе плохо? – Несмотря на то, что вопросов у меня было море, я не хотела, чтобы девушке стало еще хуже.

Грета неловко улыбнулась, будто не знала, как сказать правду.

– И да, и нет. – Уголки губ девушки дрогнули – Ты же не из нашего мира, верно? Соврала про далекую глубинку? Пришла из бреши?

– Из какой бреши?

– По-простому – из дыры между мирами.

– Можно сказать и так. Но что там с нитями?

Грета подняла правую руку, и алая паутинка перелилась всеми оттенками красного.

– Говорят, что нить – это благословение богов. Они связывают двух людей, чтобы они были вместе, постоянно сталкивались, чтобы обрести в итоге счастье.

– Но ты так не думаешь? – Я заметила, что по лицу Греты не было заметно, что она счастлива быть связанной. – Тебя связали с нелюбимым? Или ты не знаешь, кто он?

В голове сразу возник план помощи. Я же вижу эти нити и могу помочь – показать, кто на том конце. Но надо ли это девушке?

Грета в ответ грустно улыбнулась:

- Нить не только дает радость, она еще питается силой человека. Обычный житель и не заметит, что связан, пока не придет к всевидящим, а вот я сразу почувствовала. И не успела порадоваться – потеряла сознание. Как говорил уже один из дядюшек, если бы не нить, я жила бы себе – пусть не активной жизнью, но тихой и размеренной. А так выходит, что я увядаю, да еще за собой тяну суженого.

- А ты видишь эту нить или нет? – уточнила я.

- Нить видят только всевидящие, и ни я, ни папа к ним не относимся. Зато моя мама – одна из них, только никому не говори. Как ты, наверное, уже поняла, Дикий патруль охотится как раз за такими, как она и... как ты.

- Но зачем? Что им до нитей?

- Это очень личная для них тема. Чтобы понять, откуда взялся Дикий патруль и почему охотится на всевидящих, надо вернуться на тридцать три года назад. Именно тогда в наш мир пришла женщина, как и ты, из бреши. В ту пору всевидящие хоть и были гонимы стражей короля, но все равно чувствовали себя вполне неплохо. До момента, пока иномирянка не стала перевязывать нити судьбы и сотня пар не поменяла суженых. Чужачку схватили и жестоко расправились с ней.

- Иномирянка перевязывала нити по своему желанию? – предположила я.

Иначе зачем ее наказывать?

- Нет! Только по просьбе самих людей.

- Тогда почему ее схватили? – Я решительно ничего не понимала.

- Потому что у этих пар родились странные мальчики. Не сразу заметили, что они не такие, как все. Говорят с животными, а не с людьми, имеют магическую силу или невероятно сильны. Их объявили проклятыми. – Грета попыталась сесть, и я помогла ей, поправила подушку.

– Так это же хорошо, разве нет? – спросила я, разглаживая одеяло.

Какая Грета бледная, будто актриса китайской оперы! Страшно смотреть, мое сердце заходилось от сочувствия.

– Королю не понравилось происходящее. Он казнил иномирянку, а детей собрал и вместе с наставниками отправил в лесную чащу. Из тех детей выросли главари Диких патрулей. Ты уже видела Верса – он один из самых известных лидеров, глава Волчьего патруля. Есть еще Медвежий патруль, Змеиный и даже Крысиный. Но общее название для них одно – Дикий.

– Подожди, Грета. Я не поняла. Как так получилось, что дети, которых король опасался и сослал в лес, вдруг стали бороться с тем даром, от которого произошли? Как встали на сторону короля?

– Среди всевидящих ходит слух, что наставники в том лесу всячески вбивали в неокрепшие умы, что они не такие, как все, изгои, ненормальные. И что во всем этом виноваты те, кто видит нити. А если они на своем пути встретят тех, кто может их переплести, стоит стереть с лица земли тут же.

– И они поверили?

– Как видишь. Выбор у мальчишек был невелик: либо ты изгой в лесу, либо ты на службе у короля. Говорят, что живут главари в полном достатке и держат в страхе всю королевскую рать. Что это тайная сила государя, которую он холит и лелеет, называет главарей своими сыновьями.

– Ну и жук ваш государь! – стукнула я по матрасу ладонью, отчего девушка вздрогнула.

– Не знаю. Мне кажется, что здесь не все так просто. Я по себе чувствую, как нить берет из меня силы. Так почему вдруг дети оказались полны магии? И почему не полны магии дети, чьи родители не перевязывали нити? Я много об этом думала, но так и не нашла ответа.

– Да, действительно интересно... Значит, ты думаешь, что я, как та иномирянка, могу перевязывать нити? – Я скосила глаза на алую паутинку на своей руке.

Если это так, то я легко избавлюсь от этой связи с Версом. Раз – и пошли разными дорожками.

Не верю я в эту судьбу. А еще мне кажется особенно странным, что нить появилась именно тогда, когда я надела заколку. О-о-очень подозрительно!

– Не уверена, что можешь, но твое прикосновение почувствовал патруль, а это уже многое. – Адель закашлялась, и я подала ей стакан воды с прикроватной тумбы.

Я посмотрела на ее нить на запястье, пока девушка пила, и спросила:

– Хочешь, чтобы я отвязала ее от тебя?

Глава 4

У Греты от внезапного вопроса даже вода носом пошла. Девушка закашлялась еще сильнее, часто-часто моргая. Это, казалось, совсем лишило ее сил, и она просто сползла по подушке, прошептав:

– Я не могу просить такое. За тобой будет гоняться Дикий патруль – ты уже видела, как они чувствуют малейшее вмешательство. И это ты едва дотронулась до нити! Так что давай скажем отцу, что ты попробовала, но ничего не получилось.

Так вот почему девушка выпроводила свидетелей. И хочется, и колется. И мне это понятно!

– Но у меня есть заколка. Кстати, как она работает? – Я достала из кармана блестящую штучку и присмотрелась. Что за форма? Пера, что ли?

– Когда ты надеваешь эту заколку, каждый в тебе видит свой идеал. Так что будь осторожней с этой вещицей в будущем.

– Спасибо, что дала ее мне, но принять ее не могу. Это слишком ценная вещь.

– Без нее Верс найдет тебя. Уверена, что он запомнил твое лицо: он долго смотрел на тебя во время ужина.

Грета тоже заметила? До сих пор мурашки по спине бегут, как вспомню. Жаль только, что вместе с его взглядом еще вспоминается, как он проглатывал курицу и как жадно пил воду, как капли стекали по мощной шее...

Стоп!

Вообще-то, есть проблема! Причем, у нас с Гретой она похожая: нам двоим нужно во что бы то ни стало разорвать нити, ведь этот красный поводок тянется от меня к Версу – моему злейшему врагу и охотнику на запретный дар. И, если верить словам Греты, встречаться с главарем Дикого патруля мы теперь будем исправно благодаря судьбинушке, мюзикл ее шлеп!

– Спасибо за заколку, – поблагодарила искренне.

– Запомни, что каждый видит свой идеал. То есть один – блондинку, другой – брюнетку. Кто-то толстушку, кто-то худышку. Кто-то высокую, кто-то низкую. Если поймают, объясняй врожденной магией. Все подумают, что ты тоже потомок пары, у которой перевязали нити, и отстанут от тебя. Не говори, что у тебя магическая заколка.

– А откуда она у тебя?

– Мама дала. Она у меня видящая, от этого мы и знаем, что у меня нить и к кому она ведет. Долгие годы она с коллегами видела пути, как я могу избежать этого, но судьбу не так легко обмануть. Мама сказала, что эту заколку сделал главный видящий. Все надеялись, что, если я надену ее, нить станет слабее вытягивать из меня силы, но ничего не вышло. Для меня она бесполезна, а вот тебе придется очень кстати.

– Подожди, а всевидящие видят нити, но не могут их перевязывать, так?

– Так.

- Тогда зачем они нужны?

- К ним до сих пор втайне обращаются, чтобы узнать возможные варианты связки. Мама рассказывала, что она просто видит несколько путей, в которых поступки определяют, с кем в итоге ты будешь.

- Но тебя она спасти не смогла.

- Нет, могла только максимально отсрочить. Я связана, и эта нить тянет из меня все силы.

- А как твой суженый? Он тебе нравится?

Грета зарделась едва, но розовые щеки на бледном лице говорили куда больше слов.

- А ты ему?

- Я избегаю его, как бы он ни старался сблизиться.

- Почему?

- А толку? Только больнее станет, когда я уйду...

И стало сразу понятно, что уйти девушка собирается на тот свет. И все это из-за этой коварной нити, которая тянула и без того хилые силенки девушки. Не зря я этот поводок сразу невзлюбила!

Я посмотрела на свою нить, потом на нить девушки и не колеблясь сказала:

- Если смогу, я отвяжу твою нить.

- Адель! Это очень рискованно!

- Не криви душой, Грета. Ты же не зря мне все это рассказала. Значит, надеялась, что я помогу. И я помогу. Я привыкла платить добром за добро. Ты

спасла меня, а я спасу тебя.

Может, звучало немного грубо, но я предпочитала быть честной. Я видела, что девушка не находит себе места от беспокойства, что колеблется, но жутко желает просто жить.

- Но тебя схватит Дикий патруль! Один бог знает, что они делают потом с теми, кого ловят. После этого еще никого в живых не видели!

- Но у меня есть заколка, верно?

Грета полными слез глазами посмотрела на меня. Молоденькая, не смеющая даже проявить любовь к парню, потому что боялась сделать ему только хуже. Чем она заслужила эту нить? Вот уж правда не благословение, а испытание.

- А без нити тебе хуже не будет? - уточнила я.

А то только усугублю состояние, а не помогу.

- Нет! Только лучше! Спасибо-спасибо-спасибо!

- Рано еще благодарить. Я еще ничего не сделала. Но у меня тоже есть к тебе маленькая просьба.

- Какая?

- Ты можешь познакомить меня со своей мамой? У меня есть несколько вопросов.

Я посмотрела на нить на запястье, очень надеюсь, что я совсем скоро ее сниму. Надо только продумать все до мелочей, чтобы не оказаться в пасти Дикого патруля.

Под покровами плаща и ночи я пробиралась следом за хозяином таверны по самым темным улочкам города. Бернард внимательно следил, чтобы нам на

хвост никто не сел, и старательно путал следы: мы заходили в жилой дом, спускались в подвал, шли по длинному туннелю и выходили уже на совсем другой улице. В одном месте нам даже пришлось разделиться, чтобы проверить, не за нами ли следует один мужчина. Чем дальше мы шли, тем больше я осознавала, что патруля здесь действительно боятся, а всевидящие – под строжайшим запретом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bulanova_natal-ya/krasnaya-nit-sud-by

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)